

ЛИСТАЯ АЛЬБОМ ИЗ АФГАНИСТАНА

В 80-е годы прошлого столетия говорить об Афганистане и о тех, кто там выполняет интернациональный долг было не принято. И тогда, и сейчас для большинства из нас Афганистан – всего лишь далёкая и малопонятная страна в Центральной Азии. Но только не для ребят, прошедших страшную войну и запечатлевших в своей памяти настоящий Афган: большая часть страны – горы, где снег, камни и разреженный воздух, пустыни зимой холодные и пыльные, а летом знойные, дующий ветер, так называемый «афганец», поднимает тучи мелкой пыли и застилает глаза... Дышать почти невозможно. А они там воевали и жили. Жили у подножий гор, в долинах, где была хоть какая-то защита от ветра и палящего солнца, хоть какая-то вода. Рядом стояли кишлаки – небольшие населенные пункты, связывающиеся горными тропами. Дорог в Афганистане было мало, зато взрывов, крови и смерти хватало на всех.

Но они были очень молоды, во многом романтики, поэтому часто подшучивали над друзьями, смеялись, удивлялись обычаям и природе мусульманской страны и хотели по возвращении в Союз увезти с собой хоть что-то на память. И этим «что-то» чаще всего становились фотографии, делать которые, к слову, строго запрещалось. Но некоторые все же умудрялись провозить через заставу фотоаппараты. И тогда солдатики, пока никто не видел, фотографировались. Те уже старые, пожелтевшие снимки и сегодня бережно сложены в альбомах воинов-интернационалистов...

– Да у меня всего несколько снимков осталось, – услышала я в телефонной трубке от Александра Васильевича Борисенка из Клястиц. – И говорить об этом, если честно, не очень люблю.

– Но все же, можно взглянуть? – настаивала я. И бывший афганец сдался, продиктовав свой адрес.

... Уже через час Александр Васильевич рассказал о том, что на службу в Афган попал в феврале 1980 года. Служил на базе в оселке Шандал водителем «УАЗа» и «Зила-130», обеспечивая советскую военную технику топливом.

На просьбу показать снимки он достал альбом и протянул мне две заветные фотографии.

– Вот здесь, в палатках, мы и жили.

Видишь, какой я еще молодой и худой (на снимке шестой слева направо) – на секунду задумался и продолжил: – Хотя и в палатках поселились не сразу. Как приехали на базу пришлось недельку ютиться в кабинах машин.

А вот мы с ребятами на мотоцикле – я в коляске. Так дурачились...

Александр Васильевич задержал взгляд на снимке, вздохнул и заговорил:

– Этот снимок был сделан перед очередным заданием. И я помню, что, несмотря на шутки и смех, на душе у меня было тревожно. Смотрю на ребят, на горы (какие они были красивые, эти горы!), на все вокруг – и как будто бы прощаюсь. Неужели я все это вижу в последний раз? Нет. Я не хочу, гоню от себя эти мысли, не показываю вида. Быстрее бы домой, там будет все по-другому. Но от смерти же я не застрахован, ведь пуля – дура... Нет, вся жизнь впереди – столько планов, столько дел нужно сделать! А если я не вернусь домой? Ничего не изменится. Все будет, как и было.

...Что за мысли? Я больше; не хочу об этом думать. Ну, вот, поехали! Ветер в лицо, расступаются горы. Что за страна – ни дорог, ни воды. Людей жалко. Особенно детишек, которых обожгла война. Солнце слепит, облака медленно плывут по голубому небу. Никогда не обращал до этого внимание на афганское небо. Я смотрел тогда вверх и про себя молился: «Господи, я знаю, что ты есть. Помоги мне вернуться живым домой, помоги моим друзьям. Ведь так хочется увидеть родных, встретиться с друзьями и одноклассниками».

Думаю, подобные мысли посещали каждого, кто прошёл Афган. А снимки, если хотите, возьмите. Возможно, кому-нибудь будет интересно взглянуть на них...

У Александра Евгеньевича Станкевича из д. Альбрехтово тоже есть памятные снимки из Афганистана. Служить он начинал на Дальнем Востоке, где с отличием закончил школу

сержантского состава. После учёбы его направили в Афганистан, назначив старшим техником заставы.

– Вот наша база, – Александр Евгеньевич показал на снимок. – Мы здесь с моим другом-водителем БТР Каримом. Помню, как туда добирались. Границу перелетели, смотрю – кишлаки, кишлаки, вся техника в земле зарыта, кругом минометы, ужас. Тогда подумал: «Елки-палки, куда я попал».

Поселили в большей землянке, я стал знакомиться с ребятами и принимать технику. Недели не прошло, как нас на операцию. В первый раз я очутился в ситуации, когда не знал, что делать. Кругом все взрывается, стреляют, а я с автоматом сижу, и кажется, что кино смотрю. Мне ребята кричат: «Почему не стреляешь?». А я им: «А куда?». Они мне, мол, стреляй хоть куда-нибудь: пуля-дура сама найдет кого надо. Стреляй по кишлаку и все. Потом стало тихо. Ребята перезаряжают магазины, а я так ни разу и не выстрелил.

Решив, что бой закончен, начали с Каримом играть в шахматы. А тут очередь из пулемета в нашу сторону. Отскочить чуть успели, как по шахматным фигурам пули полетели. Тогда я уже кричал: «Огонь со всех артиллерий!». Куда стрелял – не знаю. Но как нужно воевать, понял.

А вот еще один случай. Ремонтируем технику, поступает команда срочно встретить колонну. В это время Карим промывал радиатор, пробки снизу открутил и не смог пробить. Поехали... В колонне я всегда шел первым с саперами. Но тут БТР «закипел». Пришлось пропустить вперед идущих сзади. Два БТРа, которые нас обогнали, подорвались на mine, многие ребята погибли. А мы по воле случая остались живы.

А вот я на заставе в Союзе. В афганскую сторону глянешь – темень, аж жутко. На советскую сторону – огни горят, машины ездят. Мы здесь встречали солдат и формировали в колонны. За каждого солдатика готовы были перегрызть глотку. Как-то снайпер нашего сержанта «снял» из кишлака, так мы этот кишлак потом хорошенько прочесали.

Одним словом, в беде никого не оставляли. Жили одной семьёй. Едем на базу и знаем – баня готова, столы накрыты. Едем, а ребята стоят и считают БТРы, сколько нас возвращается. А уж если кто-то погиб, так значит, кровать заправлена, а на ней цветы и фотография. Вот так у нас было.

...А снимки. Все, что вы видите, делалось втихаря, в каптерке и в основном во время операций. Поэтому о качестве говорить сложно, но все же – память.

Е. Кириллова